

Слободан Сими́ч родился в 1963 году в городе Ужица. Мастер афоризма и острой политической сатиры. Его рассказы переводились на венгерский, итальянский, немецкий, французский и другие языки. Живет в Сербии.

Предлагаемые вниманию наших читателей рассказы были опубликованы в книге «Приче без поуки» («Притчи без поучений»), за которую он получил премию «Радое Доманович» Союза писателей Сербии за 1994 год, когда она была еще в рукописи.

**Слободан
Сими́ч**

Рассказы

КОРАБЕЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

1 день

Я – капитан корабля. Мне нравится это звание. Все слушаются меня и побаиваются. Сегодня прошелся несколько раз по палубе, отдавая приказания. Те, кто не слушался меня и не боялся меня, были выброшены за борт. Теперь все слушаются и боятся меня. Мне нравится мой чин.

2 день

Мой корабль – это двухмачтовый парусник. Он ужасно стар и медлителен. Я должен что-нибудь придумать и ускорить движение судна. Эх, если бы у меня был пароход!

3 день

Сегодня кок сказал мне: «Жаль, нет у нас парохода». Умнейший человек. Назначил его боцманом. Боцман взбунтовался – пришлось бросить его в море. Это возмутило лоцмана, и я поставил его на место кока.

4 день

Сегодня разработал план перестройки корабля. Из котла на камбузе сооружаем паровой котел, мачты пойдут на дрова, из весел делаем лопасти для загребного колеса. У моей идеи все больше сторонников. Иногда за целый день мы никого не бросаем за борт. Мне досталась на удивление дружная команда.

5 день

Мачты срублены. И по этому случаю я устроил большой праздник. Не каждый день ведь расстаешься с темным прошлым! Мы входим в новую жизнь. Очень скоро мы будем плыть по нашему спокойному морю на пароходе!

6 день

Мы никак не можем сдвинуться с места. Может быть, надо было подвести воду к котлу, чтобы получить пар? Тяжело быть новатором.

7 день

Кок сказал, что надо бы каким-то образом подвести к котлу воду. Прекрасный человек! Назначил его своим помощником. Поболе бы таких людей!

8 день

Я нашел решение! Пробьем маленькую дырку в трюме, и через нее вода будет поступать в котел, превращаться в пар и вращать загрешное колесо. Как я до этого раньше не додумался?!

9 день

Чертова дыра: она чересчур велика. Корабль тонет. Команда встревожилась, но я объяснил всем, что прогресс не знает границ и что вместо парохода мы можем сразу получить подводную лодку.

10 день

Я прочитал главу Корабельного устава о случаях гибели судна. «Капитан последним покидает корабль». «Первыми спасают женщин и детей». Кок считает, что еще не все потеряно. Удивительный человек. Не теряет присутствия духа даже в самые тяжелые минуты.

11 день

Сегодня я предложил назначить кока капитаном. Все согласились. Пора спасать женщин и детей. Поскольку лишь у одной шлюпки есть весла, мне остается спасти только свою жену и своих детей.

12 день

Вода быстро прибывает. Надо браться за весла. Если посчастливится, то, может быть, вскоре нас подберет какой-нибудь пароход.

КОНЕЦ

Все началось совершенно неожиданно: моя правая рука потребовала независимости! Она заявила, мол, я всех содержу, на мне лежит вся работа, с меня довольно – хочу быть самостоятельной. Я попытался вразумить ее,

сказал, что технически это невозможно и что тело должно быть единым, чтобы существовать, и что она работает так же как и всякая другая правая рука на свете, и что другие органы тоже делают что-то, что идет ей на пользу. Это не возымело действия. Правая рука в ультимативной форме настаивала на суверенитете и принятии срочных мер в этом направлении.

В разгоревшуюся дискуссию вмешалась левая рука. Она, мол, не может вынести такого безобразия: как можно правую руку ставить выше левой и вообще, чем бы была правая рука – не будь левой, и поскольку дерзость правой руки переходит все границы толерантности, левая рука не желает оставаться с ней ни в какой связи или союзе. Я в жесткой форме сделал замечание левой руке за то, что своим вмешательством она еще более осложняет ситуацию, на что она, оскорбившись, заявила, что хочет присоединиться к требованиям правой руки, чтобы и ей дали самостоятельность.

Я был предельно ясен: ни практически, ни теоретически это невозможно! Но тут дал о себе знать мозг, сказав, что я не прав и что теоретически это все-таки возможно. Он пояснил, что ампутация конечностей представляет собой рядовую хирургическую операцию и что никаких технических проблем не существует. Правая и левая руки встретили его выступление бурными аплодисментами.

Я вступил в полемику с мозгом и объяснил, что проблема не в технике отсечения руки, но в опасности последствий такого поступка. Ни руки не могут самостоятельно жить без тела, ни тело не может нормально функционировать без рук, сказал я в заключение. Мозг частично с этим согласился, добавив: что касается его, то руки могут отделиться хоть сейчас, так как он может блестяще функционировать и без них. Так даже лучше.

Это вызвало бурю негодования обеих рук. Мозг выслушал о себе много неприятных слов, особенно за свою привычку ставить себя выше других органов, особенно рук, и все время отдавать команды, ожидая от остальных слепой покорности и подчинения. К моему удивлению, позицию рук поддержали все мышцы и обе ноги.

Внутренние органы были более сдержанны, они считали, что мозг сыграл огромную роль в жизни организма и нельзя так просто отказываться от него. Однако мозг был настолько уязвлен, что заявил, что больше никогда и никому не будет отдавать никаких команд и пусть все далее обходятся без него. Отставка мозга вызвала бурю негодования внутренних органов. Сердце тут же потребовало для себя особого статуса. Печень желала автономии. Легкие предлагали кантонизацию. Желудок выдвинул лозунг: «Все органы пищеварения – в единый союз!» Почки желали создать конфедерацию.

Наступил полный хаос.

Мне не оставалось ничего другого, как умереть.

О КРАСОТЕ

Я хорошо помню их.

На кропечном озере, окруженном зеленью парка, поселились лебеди. Едва появившись, они вызвали огромный интерес, особенно у детей. Родители толпами приводили малышей поглазеть на дивных белых птиц. И тогда дети бросали им воздушную кукурузу, семечки, хлеб, крендельки – все, что они могли принести с собой.

Сторож догадался первым: при таком обилии пищи хорошо могли бы жить и другие. И он присоседил к лебедям своих уток.

Дворничиха тоже была женщиной разумной. И вскоре рядом с лебедями резвились ее крольчата.

Продавец цветов соображал медленнее, но не был глуп, и чуть позже в парке меж прочей живности появились его курочки.

Голуби и воробьи пришли сами.

Вскоре парк стал походить на маленький зоосад. Но в нем не было больше лебедей. Они все умерли от голода.

И никого это особенно не смутило.

ИСПОВЕДЬ

Я слышал, вчера Правитель посетил храм, – сказал Кардинал.

– Да, Его Превосходительство желали исповедаться.

– Ну, и как это было?

– Как всегда, в наилучшем виде. По этому случаю церковь была убрана и украшена особым образом. Атмосфера была необыкновенной, всюду ощущалось присутствие Всевышнего. Перед церковью собралась восторженная толпа, чтобы поприветствовать Правителя, но мы по его просьбе эвакуировали весь квартал.

– Но почему?

– Ну, вероятно потому, что в последний раз толпа настолько перевозбудилась, что в течение получаса швыряла камни в его бронированный автомобиль.

– Как ужасен и неблагодарен народ!

– Мы разогнали всех, выставили танки и вошли внутрь. Нас ожидал один только священник. И это было не случайно, поскольку он был специально подготовлен для этого. Каждый год избирается самый лучший из числа священнослужителей и подвергается особому обучению. Цель его состоит в том, чтобы сделать его пригодным для исповеди Правителя.

– А сами вы присутствовали на исповеди?

– Конечно, нет. Правитель велел нам стоять перед церковью и читать вслух молитвы. В самой же церкви остались лишь Его Превосходительство и священник. Исповедь длилась десять часов. Был и перерыв на обед. Когда все завершилось, Правитель выглядел на редкость довольным и смиренным. Давно уж на его лице я не видел такого блаженства. Вы не поверите, но он улыбался. Он положил на алтарь большое денежное пожертвование и потом долго еще крестился... На выходе он сказал: «Исповедь смягчает душу». И глаза его тогда наполнились слезами.

– Как приятно мне слышать об этом! – растроганно сказал Кардинал.

– Думаю, что священника, который привнес блаженство и умиротворение в душу Его Превосходительства, необходимо было бы щедро наградить и продвинуть по службе.

– К сожалению, это невозможно, – сказал Министр. – Когда мы покидали пределы церкви, Правитель заявил, что есть вполне оправданные подозрения и святой отец посвящен в некие государственные тайны особой секретности. Ну, мы тогда вывели священника и расстреляли перед церковью.

– Таковы суть наши времена, – горестно вздохнул Кардинал. – Мы не можем более довериться даже самым проверенным из приближенных к нам людей.

СМОТР

По случаю Национального праздника Правитель объявил всенародные торжества. Совершив парадный смотр войск, он поднялся на украшенную цветами трибуну, чтобы произнести речь. Однако перед трибуной не было ни единой живой души.

– Почему никого нет?! – вскричал Правитель. – Где народ?

– Ваше Превосходительство, народа нет, – отважился заметить Министр.

– Как это нет?

– Я думал, что Вы знаете, – сказал Министр. – Народ весь под ружьем!

ХОРОШИЙ ПРОГНОЗ

И решил Бог поставить Ноя во главе народа своего.

– Самое важное – это хороший прогноз, – сказал Бог.

И стал править Ной народом.

Однажды заметил Ной, что надвигается ненастье. Великое Ненастье.

Ной был Вождем. А вождь должен жить заботой о народе. Тем более перед лицом грядущего Великого Ненастья.

– Самое важное – это хороший прогноз, – сказал Ной.

И начал Ной строить ковчег. И то был не обычный, но Великий Ковчег. Ибо надвигалось Великое Ненастье. В ковчеге Ною нужно было поместить целый Народ. И спасти его. Вождь для того, чтобы спасти Народ. На то и был он избран.

И построил Ной ковчег, крепкий и пространный, готовый к любым испытаниям.

– Этот ковчег сможет выдержать самое Великое Ненастье, – с уверенностью сказал Ной.

И тогда замело весь мир снегом...

ЗИМА 92/93

Труднее всего было с Достоевским.

Я не знал, с чего начать. То ли с *Униженных и оскорбленных*? Или, может быть, с *Братьев Карамазовых*? Конечно, символично было бы начать *Преступлением и наказанием*. Но в конце концов я решил двигаться по порядку. Впрочем, Достоевского оставил напоследки. Сначала я добил кое-кого из наших, во главе с Крлежкой и Чопичем, затем принялся за иностранцев – Фолкнера, Гессе... Интересно, что чужаки давались мне намного легче.

Вскоре настал черед Селимовича, Чосича, Кипша, Павича и еще некоторых. Но – Иво Андрич! Над Андричем я обливался горькими слезами.

Однако труднее всего было с Достоевским. Когда я наконец решил взяться за него, в доме больше нечем было топить: полки, паркет, мебель, одежда – все давно уже ушло на растопку. Холод мог спокойно пощипывать, покусывать, грызть меня, сколько душе угодно. Ему уже ничто больше не могло помешать.

Я сидел в ожидании белой смерти.

После сожжения Достоевского моя библиотека прекратила свое существование, и я был скорее мертв, чем жив.

ПРОВОДЫ

Сегодня я прощался со своей семьей. Пришли все: жена брата отца, жена брата матери, невестки, золовки – все. Ей-богу, едва обнялись, тут же полились слезы. Я обязательно вернусь, говорил я жене, а она все плакала да причитала. Чуть погодя я смог продолжить начатые сборы.

Взял палатку, фляжку и все, что необходимо для приготовления пищи. Выбрал из гардероба летнюю и зимнюю одежду, так как погоду ну, никак не угадаешь. Шурин забил свинью, чтобы я мог прихватить с собой немного свежего мяса, а жена приготовила сыр, сметану, копченую грудинку и прочую снедь. Потом я посвятил себя исключительно оружию: взял «калашникова» и к нему пять рожков, пистолет с глушителем и три коробки с патронами, две ручные гранаты, пехотные мины, прозванные «паптетом из пяти кусочков», и одну противотанковую. Сын напомнил мне, чтобы я прихватил с собой баллончик со слезоточивым газом. Сказал, на всякий случай, чтобы тебя не схватили и не ограбили, как в прошлый раз. Беспокоится ребенок...

Прежде чем выйти из дому, я встал на колени перед иконой Святого Георгия и от всего сердца помолился: «Помоги, Святой Георгий, помоги мне, грешному, пройти этот путь до конца и дай хоть немного удачи, чтобы вернуться домой живым и невредимым».

После молитвы в сопровождении домочадцев я вышел во двор и встретился взглядами с любопытными и озабоченными соседями. «Держись, брат! – кричали они из окон. – Не отступай! Будь упорен!»

И двор отзывался эхом.

«Если тебя не будет больше двух месяцев, я смогу заменить тебя», – сказал сын. А жена заплакала. И дочка за ней. «Тата возвратится скоро», – сказал я, лишь бы что-нибудь сказать. И почувствовал, как к горлу подкатился ком и желудок свело судорогой. И так, нужно было идти. Разведка донесла, что приближается цистерна. Я – глава семьи. И должен выстоять в этой очереди за бензином...

ПРИТЧА ОБ ИМЕНАХ

Капитан Живойин Йованович из Белграда, будучи лучшим офицером в своей категории, имел честь в далеком 1967 году участвовать в операции ООН на Синайском полуострове, где югославские «голубые каски» должны были разделять находившихся в состоянии войны израильтян и египтян. Во время прохождения службы он получил желанную добрую весть: у него родился сын! Радость его была безмерной, поскольку у капитана долгое время не было детей. А тут еще и сын! Капитан был горд этим и решил дать ему имя египетского президента Насера, одного из основателей легендарного Движения неприсоединения и давнего сердечного друга товарища Тито.

Мальш Насер Йованович рос быстро и вскоре стал крепким и горячим парнем, любителем скоростных авто и легких заработков. Эти две любви и привели его в расположение «голубых касок», на этот раз втянутых в гражданскую войну в Югославии. Находившийся на пенсии, но по-прежнему влиятельный, ныне уже полковник Йованович выхлопотал, чтобы и сын его, как некогда отец, оказался на службе «голубых» в качестве водителя. Работа была связана с изрядным риском, но при этом сулила внушительную зарплату. Необходимо было возить гуманитарную помощь под флагом ООН в охваченную войной Боснию. Но для Насера главное – вкус приключений да шелест зеленых банкнот. И так он колесил месяцами в конвое белых грузовиков ООН, лояльных ко всем воюющим сторонам, куда однажды грузовик его не встал посреди Боснии. Конвой должен был проследовать дальше, а он остался в ожидании мастеров. Но вместо мастеров появилась пестро разодетая, вооруженная группа, которая больше походила на некую местную банду. Угрожая оружием, «воины» разграбили грузовик, а затем решили проверить у водителя документы.

– Ты только посмотри! Мусульманин!!!

– Я совсем не мусульманин, – попытался было объяснить Насер, но удар приклада прервал его.

– Ты – не мусульманин, да? Насер – это самое известное сербское имя, не так ли?

– Люди, я из Белграда...

Серия ударов на этот раз была более продолжительной.

– Я серб!

– Как зовут тебя?

– Я серб!

– Как тебя зовут?

– Я серб!

– Как тебя зовут?

...Полковнику Йовановичу сказали, что Насер пропал без вести. Но полковник не поверил им. Он обошел всю Боснию. И, говорит, нашел могилу. Велика она, говорит полковник, настолько велика, что может покрыть целую Боснию. Есть на ней и огромная надгробная плита. Почти до неба. С тысячько имен. Давор Мустафе Павлович, Желько Хрвоя Сеферович, Сеад Момира Билич, Марко Мирсада Хорват, Борис Неманье Хаджиабдич, Мухамед Стипе Петрович... И где-то в самом низу – Насер Живойина Йованович. А еще говорит полковник Йованович, что прямо у него на глазах плита все увеличивалась и росла и вписывала в себя все новые и новые имена. Так говорит полковник Йованович, говорит всем, кого повстречает, однако никто не верит ему.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЦВЕТ

Жан был активным членом Движения зеленых Бельгии, а по роду занятий профессиональным водителем. Несмотря на свойственный его натуре дух авантюризма, Жану было далеко не все равно, когда его бросили на перевозку гуманитарной помощи в Боснию. «Только безумно храбрый человек мог на это согласиться», – сказала ему его девушка, в попытке отговорить от этой шальной затеи. Но все уже было решено и согласовано. Жан сел в зеленый грузовик Движения зеленых, поставил знак Красного Креста, попрощался со всеми и канул в неизвестность.

Сначала дорога привела его к боснийскому контрольно-пропускному пункту. В бородатых подозрительных людях он легко узнал боснийских сербов. Они перетрясли его грузовик, проверили все до винтика, лезли под капот и под колеса, заглядывая в каждую дырочку-щелочку.

– Мы никому больше не верим, – сказал ему молоденький солдат на приличном французском. – Не надо сердиться, ничего личного.

Когда Жан уже собирался тронуться, юноша вновь подошел к нему.

– Нет, этот цвет никуда не годится, – сказал он.

Жан его не понял.

– Грузовик у тебя зеленый, мил человек! А зеленый есть мусульманский цвет. С ним неразумно передвигаться по сербской территории.

К хорошим советам надо прислушиваться, особенно в опасной и непредсказуемой Боснии. И Жан покрасил грузовик в голубой.

Вскоре он очутился на контрольном пункте мусульман. И вновь тот же детальный осмотр, те же подозрительные взгляды.

– Европа вообще не помогает нам! – прошипел один офицер по-английски. – Вы отмахнулись от нас!

Жан решил поторопиться, чтобы не испытывать судьбу, однако офицер остановил его.

– Ну, и чего это ты разъезжаешь по нашей территории на голубом грузовике?! Голубой – это цвет четников, сербский! Ты хочешь, несчастный, чтобы тебя кто-нибудь убил?!

Жан не хотел, чтобы его кто-нибудь убивал. И перекрасил грузовик в красный.

Принимая во внимание величину территории Боснии, можно себе представить, как скоро наткнулся Жан на хорватский пост.

– Опять прикармливаете мусульман! – гаркнул на немецком подвыпивший солдат, нахально забираясь в грузовик. – Небось, и оружие для них прихватили, как обычно?!

Ничего подозрительного он не обнаружил. И это прибавило ему раздражения.

– А что это твой грузовик красного цвета!? Думаешь, нам не достаточно было коммунистов?! Смотри, нарвешься. Не терпится врагов нажать?!

К счастью для Жана, сразу за хорватским постом находились склады ООН ПРОФОР, конечная цель его пути. Он выгрузил товары, наполнил баки горючим и стал собираться в обратную дорогу. Но, впрочем, грузовик действительно был рискованно красного цвета... И, немного поразмыслив, Жан выкрасил кузов в черный...

На обратном пути его никто не останавливал.

ПОСЛЕДНИЙ РАТНИК

Многих товарищей я схоронил.

Оставались они на холмах, по обрывам-яругам, пропадали они на окольных путях и беспутье, исчезали во мраке лесов и в тени переулков.

Там, где мы проходили, там мы пропадали. Всякое божье место скрывало притаившуюся где-то смерть. Иногда мне казалось, смерть всегда была рядом, что она вместе с нами сражалась, но порой вдруг, оголодав, жадно набрасывалась на рядом идущих. Голодная смерть была в нашем строю.

Путь наш было легко проследить – по могилам. Ими мечены наши дороги. Это мы выставляли дорожные, скорбные, знаки. Не затем, чтоб направить на путь, а затем, чтобы с этих путей отвратить.

Нет дороги туда! – говорили наспех сколоченные кресты. Нет дороги туда! – бросались под ноги свежие холмики влажной земли. Нет дороги туда и – оттуда обратной дороги!

Завораживала нас чужая смерть. Обманывали нас чужие могилы. Мы сеяли смерть, не видя того, что она дает всходы у нас за спиной. Верили мы, смертью чужой попираем свою. Как мы были наивны!

Мы несли смерть и смерть принимали, как судьбу и удел, как проклятие. Без смысла, без меры. Все больше, все дальше, все тем же путем. Через свои и чужие могилы.

Это длилось больше года. Не знаю сколько, и этого никто не знает. Такое время ничем нельзя измерить. Одно лишь знаю, что я остался один. Совсем один.

Иногда я хочу, чтобы кто-то пришел, заплакал, оплакал, затеплил свечу и цветы положил. Но нет никого. Только ветер застонет порою – и все.

Иногда я хочу умереть и присоединиться к уснувшим навеки ратникам. Только, думаю, некому будет ходить за могилами...

ПИСЬМО ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Дорогая бабуля,

я решил, что мы снова напишем тебе письмо. На самом деле, я говорю, а пишет мама, потому что письму нас еще не обучали. Дорогая бабуля, хотим поздравить тебя с Новым 1999 годом и пожелать всего наилучшего и чтобы все мы вскоре свиделись. Я тебя очень люблю и хотел бы, чтобы ты оказалась рядом с нами, здесь, в подземном убежище. Мама говорит, что ты всегда была упрямой и твердолобой и не захотела оставить свое родное село Кремну. И говорит, что ты сказала: «Я не желаю, дети мои, под землю, куда торопиться?» Я бы так хотел, чтобы ты приехала к нам, потому что чувствую, как непрестанно гудит и вздрагивает земля, и все говорят, что там, наверху, ой как тяжело кому-либо выжить. Бабуленька моя, береги себя!

А у нас все хорошо. Я хожу во второй класс и уже умею стрелять. За полугодие у меня пятерка по стрельбе из автомата и ручного гранатомета, а в метании бомб и установке пехотных мин я самый лучший. Учитель говорит, что я талантливый, и предложил мне пойти в секцию диверсантов. Папа обещал, что, если к концу года я стану отличником, он купит мне «магnum». Я стараюсь, но пока никак не могу исправить единицу по ближнему бою. Знаешь, нас тренируют на настоящих животных, а меня топнит от крови. Об этом я только тебе говорю, бабуля, потому что здесь это считают позорным. Но я должен успевать, чтобы папа не разочаровался во мне.

Мне здесь хорошо, у меня полно друзей, и мы часто играем. Чаще всего мы играем в «Сербов и врагов», но все хотят быть сербами, и поэтому мы никак не можем сыграть в нее. Иногда играем в «Убей стражника» или «Держи диверсанта». А я все больше люблю стрелять. Когда вырасту, бабуля, я бы хотел стать снайпером.

В нашем классе есть одна девочка, зовут ее Саня. Она мне нравится. Она говорит, что мы, мальчишки, очень глупые, что только стреляем и ничего не знаем о бинтах и перевязках. Она отлично накладывает повязки, лучше всех девочек, а еще умеет стрелять. Она нравится мне больше всех.

Мой лучший друг – Мишко. Он – лучший в классе по рытью окопов. Он бы хотел стать танкистом, когда подрастет. Но танки учат только в средней школе. Мой друг Мишко говорит, что наверху над нами ничего нет и враги все сожгли. Я говорю ему, что у меня есть бабушка, а он говорит, что это невозможно, потому что, когда проходят танки, не остается ничего.

Бако, почему ты не пошла вместе с нами?! Мама говорит, что уже три года ты не подаешь о себе вестей. И она все время плачет, когда говорит о тебе. Вот и теперь плачет. Но я-то знаю, бабуля, что у тебя все хорошо и что ты хочешь прийти и рассказать мне, как когда-то, о битве на Косовском поле и о царе Лазаре. Поэтому мы будем все время писать тебе письма.

Бако, приезжай!

Любящий тебя всем сердцем внук Марко.

Перевод с сербского
Кайрата БАКБЕРГЕНОВА